

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

Глава I. ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ 9

1. Раннее русское зодчество. Дерево – всему голова 11
2. Взять в Византии – и сделать по-своему: Киев, Чернигов, Новгород 21
3. Поиски своего лица: Владимиро-Суздальская школа 33
4. Московское княжество в XIV–XVI веках 43
5. На пути в эпоху Просвещения. Зодчество Русского царства в XVI–XVII веках 57

Глава II. НОВОЕ ВРЕМЯ – НОВЫЕ ПРАВЫ. БАРОККО И КЛАССИЦИЗМ 77

1. Барокко в Российской империи: от Петра до Елизаветы 79
2. Классицизм Северной Пальмиры 103
3. Классицизм Первопрестольной 113
4. Высокий классицизм – русский ампир 127

Глава III. ПОСЛЕДНЕЕ СТОЛЕТИЕ ИМПЕРИИ 143

1. «Сочетание различных вкусов» – российская эклектика 145
2. Поиски самобытности. Русско-византийский и псевдорусский стили 159
3. Русский модерн 183
4. Из Эллады и Рима – на российскую почву. Неоклассицизм 195

Глава IV. РОССИЙСКАЯ АРХИТЕКТУРА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ 207

1. Конструктивизм – взгляд в светлое будущее 209
2. Сталинский ампир 221
3. «Оттепель» и советский модернизм 241
4. Эпоха, название которой придумают потомки 275

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 303

**Новодевичий
монастырь
в Москве**

Архитектурный
ансамбль монастыря
сложился в XV–
XVII веках

ПРЕДИСЛОВИЕ

Старинные книги нередко начинались со слов: «Любезный читатель!» Жаль, что в наш век информационных технологий многие авторы уже не слишком заботятся о благосклонности читателя. Вот, мол, тебе, милый, потрясающая новость, а уж насколько она тебя трогает, никому не интересно.

Мы же, готовя эту книгу, хотели, чтобы наш читатель был если и не любезен, то уж, по крайней мере, не слишком строг. Чтобы листая ее страницы, вы не только узнали что-то, прежде вам неизвестное, но и испытали чувство сопричастности к творениям российских зодчих, как наших с вами предков, так и наших с вами современников, чувство гордости за их творения.

Признайтесь: когда речь заходит об архитектуре, в первую очередь вам на ум приходят архитектурные достопримечательности Европы и Америки, красочно представленные в путеводителях. Если кто-то начнет разговор об архитекторах, вы, пожалуй, вспомните Эйфеля, Гауди, Растрелли, Корбюзье... Может быть, еще и Шухова, хотя его помнят далеко не все.

Говорит ли вам что-нибудь имя Имхотеп (не путать с социальной сетью Имхонет)? Практически все исследователи мировой архитектуры сходятся в том, что это – первое имя архитектора, дошедшее до наших времен. Имхотеп жил и творил в XXVI веке до нашей эры, чуть ли не пять тысяч лет назад! Он спроектировал и построил первую ступенчатую пирамиду, ему исследователи приписывают изобретение колонны. Не удивляйтесь, что его имя сохранилось в веках: древние египтяне так уважали гений архитектуры, что обожествили его.

Древние египтяне... А что знаем мы с вами о российских архитекторах, живших и творивших не так уж и давно по сравнению с Имхотепом? Любителям памятников архитектуры наверняка хорошо знакома церковь Покрова на Нерли, возведенная в середине XII века. Восемь с половиной столетий она стоит и радует глаз, а кто же был архитектором этого чуда?

Поиск выдающихся российских архитекторов во Всемирной паутине дает следующие результаты: на

англоязычном сайте «Энциклопедия искусства и дизайна» приводится список 100 величайших архитекторов (100 Greatest Architects), в числе которых названы лишь трое работавших в России: Растрелли, Камерон и Ле Корбюзье (как видим, все иностранцы). Немецкоязычный сайт «Ума мешок», перечисляя знаменитых архитекторов (Berühmte Architekten), не называет ни одного из России; зато немецкие архитекторы составляют треть списка, что и понятно: каждый кулик свое болото хвалит.

Что ж, то же можно сказать и про нас. В сотню «великих архитекторов», по версии петербургского сайта «Архитектурные сезоны», по праву входят 27 российских мастеров. Это не считая иностранцев, работавших в России, – той самой троицы, что числится в 100 Greatest Architects: итальянца Франческо Бартоломео Растрелли, которого у нас называли не иначе как Варфоломеем Варфоломеевичем, шотландца Чарлза Камерона, главного архитектора Санкт-Петербургского Адмиралтейства, и француза Шарля Эдуара Жаннере-Гри, в 48 лет взявшего себе псевдоним Ле Корбюзье.

Так что наше «болото» ничуть не хуже, а мы, «кулики», в нем обитающие, вполне можем им похвалиться. Только вот...

Имя архитектора, воздвигшего церковь Покрова на Нерли, в наш отечественный топ-100 не вошло. В древнейшей из дошедших до нас Лаврентьевской летописи о создателях этого чуда говорится лишь следующее: «И привел к нему (князю Андрею Боголюбскому) Бог из всех земель всех мастеров». В летописи есть множество имен, но все они либо княжеские, либо боярские. Мы с вами понимаем, конечно, отчего: издавна так у нас повелось, чтобы все, что создается на нашей земле, считать созданием владыки. Вот и не дошли до нас имена многих прекрасных зодчих, творения которых украсили лицо земли Русской.

Но сами-то творения, пусть и далеко не все, сохранились! Так давайте же отправимся в увлекательное путешествие по тысячелетней истории российской архитектуры.

Глава I. ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Храм Усекновения главы Иоанна Предтечи в Коломенском

Многостолпная церковь
возвышается над
Москвой-рекой,
где в XVI веке
располагалась
царская резиденция

Говоря «Древняя Русь» мы, разумеется, имеем в виду Русь средневековую. Во времена действительно древние – до Средневековья – и самого понятия «Русь» еще не было. Со школьной скамьи нам известно, что различные племена славян стали селиться на нынешних российских просторах лишь в V–VI веках. Тогда они не слишком заботились о создании собственных государств, находя вполне приемлемым общинное существование.

Община – это еще совсем не город. Жилище чаще всего было общее, занятия – общие (хотя уже выделялись умельцы в каком-либо деле, потихоньку закладывающие основы различных ремесел). Поэтому говорить серьезно об архитектуре в те далекие времена не приходится. Жилища тогда делались как можно проще – лишь бы тепло сохранить – и представляли собой полуземлянки. Понять предков можно: ведь их жизнь была полукочевая: община селилась там, где можно было прокормиться, а когда возможности одного места исчерпывались, приходилось искать другое.

Естественно, обустриваться на новом месте нужно было быстро, так что вся изобретательность наших предков была направлена лишь на скорое выполнение привычного. Однако уже тогда, как отмечают археологи, не было абсолютно одинаковых строений. Выдумывать что-то новое приходилось уже хотя бы потому, что условия каждой местности чем-то отличались: были иными деревья, почва... В общем, без творчества никак не обойтись.

Кижский погост

Погост и здания, которые были сгруппированы в виде музейной экспозиции в южной части острова, являются исключительными примерами традиционной деревянной архитектуры Карелии и в целом Севера России и Финско-Скандинавского региона

Раннее русское зодчество. Дерево – всему голова

Судить о жизни восточных славян в первой половине I тысячелетия сегодня можно лишь по археологическим находкам. Историки, впрочем, располагают и письменными источниками, весьма, однако, неполными и зачастую по-разному понимаемыми. Да и тех немного – лишь эпизодические упоминания в античных и арабских рукописях. На основе этих редких источников практически невозможно составить представление о быте, а тем более о творчестве наших предков. Речь в них, как правило, идет о чрезвычайных событиях, которые были важны для римлян и арабов; повседневная же жизнь далеких северных народов их не интересовала.

А вот археологи с уверенностью утверждают, что уже в середине I тысячелетия наши предки от охоты и собирательства перешли к сельскому хозяйству. Это, в сущности, означало переход к постоянному жительству на обрабатываемых землях. То есть возникла необходимость обустроить жилища обстоятельно и надолго – быть может, на всю жизнь. Соответственно, появилась потребность в людях, умеющих это делать лучше других.

Эта эпоха в жизни восточных славян характеризуется развитием отраслей, сложившихся в предшествующий период. Появились профессиональные земледельцы, знающие, как нужно обращаться с землей. Совершенствовались орудия их труда, в археологических раскопах поселений того времени находят так называемые сошники из железа, которые насаживались на рабочую часть деревянной сохи – ее использовали при копке борозды для посева. Большая часть орудий земледельцев изготавливалась из дерева – грабли, мотыги, вилы, даже цельнодеревянные лопаты, которые лишь иногда имели железные оковки лезвия. Однако уже в VI–VII веках стали появляться железные серпы и косы, изготовленные, заметим, самими нашими предками.

Данные археологии говорят о том, что уже к VIII веку развитие различных отраслей хозяйства достигло в родовой общине того уровня, когда вся деятельность могла замыкаться в семье. Появились специалисты по работе с железом, по добыче соли, по выжиганию угля, по производству дегтя и т. д. Вполне можно считать, что и строительством жилья уже тоже занимались специалисты. Конечно, это еще не была архитектура в современном ее

**Церковь
Воскрешения
Лазаря из
Муромского
Свято-Успенского
монастыря**

Построена в 1390 году

понимании – искусство создавать удобную и красивую среду. Однако можно предположить, что полторы тысячи лет назад наши предки начали задумываться о том, как сделать свое жилье не только удобным, но и красивым.

Строительным материалом в те далекие времена преимущественно служило дерево. К сожалению, время безжалостно и простоять много веков деревянной постройке удастся лишь в исключительных случаях. Дерево прекрасно горит, а на протяжении истории пожары бывали не только по недосмотру и насилию, случались и стихийные. Так что не смогли дойти до нас творения древних зодчих, возведенные более полутысячи лет назад.

Древесина на Руси всегда была самым доступным материалом. В дохристианские времена наши предки строили свои культовые сооружения из дерева, продолжилась эта традиция и после крещения: все первые церкви и часовни делались только из него, из дерева. Именно из этого материала строились также и избы простых людей, и хозяйственные постройки, хоромы господ, фортификационные сооружения. В народе говаривали, что «ладно срубленная» изба прослужит трем-четырем поколениям, а при счастливых обстоятельствах может простоять и больше 100 лет. Церкви же, строившиеся с особым вниманием, стояли раза в четыре дольше.

Надо сказать, деревянное зодчество на Руси к середине I тысячелетия накопило столь богатые традиции, что даже о не дошедших до нас творениях древних строителей сохранились восторженные письменные свидетельства современников. Например, в своем «Сказании» византийский дипломат V века Приск Панийский, посетивший дворец Аттилы (по мнению некоторых ученых, он находился в окрестностях среднего течения Днепра), так описывает его: «Он был, как уверяли нас, великолепнее всех дворцов, какие имел Аттила в других местах. Он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянною оградю, более служащею к украшению, нежели к защите. После дома царского самый отличный был дом Онигисиев, также с деревянною оградю; но ограда эта не была украшена башнями, как Аггилина».

Заметим, дворец был построен из бревен и досок. Хотя к тому времени и появились ремесленники, работавшие с металлами и глиной, именно дерево долго

Раннее русское зодчество. Дерево – всему голова

оставалось основным поделочным материалом на Руси. Из него и строили, и красивые вещицы делали. О традиционной русской резьбе по дереву немало книг написано, а любуются ею далеко не только в России. Здесь скажем лишь, что резьба была неперменной частью древнерусской деревянной архитектуры. И хотя до нашего времени создания древних зодчих не дошли, мы сегодня все же можем составить представление о том, какими они были, ибо традиции безымянных мастеров передавались из поколения в поколение, так что даже через тысячу лет – скажем, в XVI веке – деревянные строения возводились примерно так же. К счастью, и некоторым из этих памятников (в основном, конечно, церквям) удалось уцелеть.

Самой древней (из сохранившихся до нашего времени) деревянной церковью на Руси является церковь Воскрешения Лазаря в Муромском монастыре.

Сам монастырь в XIV веке основал инок Лазарь, а эта церковь стала первым его храмовым строением. Специалисты считают, что возведена она была не позже 1391 года. Церковь невелика по размерам – всего-то 9×3,5 метра – и, если бы не главка на средней клети, была бы похожа на обычный амбар. Но как сработана! Зайдешь в сени, взглянешь на стену с дверью, ведущей в главное помещение, и покажется, что бревна в ней гигантской толщины.

К концу XIX века у обитателей монастыря возникли за эту церковь опасения. К тому времени в монастыре уже были построены две каменные церкви, две часовни. Однако самую первую иноки хотели сохранить во что бы то ни стало, потому возвели над нею деревянный храм большего размера, чьи стены и кровля укрыли от непогоды монастырскую святыню.

После 1917 года иноков прогнали, все имущество монастыря конфисковали, на месте обители организовали сельхозкоммуну им. Троцкого. В 1930 году разогнали и коммуну. После войны здесь открыли было дом инвалидов, но уже с середины 1960-х место запустело.

Однако десятилетием раньше, в 1954 году, архитектор А.В. Ополонников обнаружил на территории монастыря спрятанную древнюю церковь, произвел ее замеры и сделал проект реставрации. Усилия, которые архитектор предпринял для его реализации, сделали свое дело: в 1959 году церковь разобрали и перевезли в Ки-

жи, где отреставрировали по проекту Ополонникова. Храм стал «жемчужиной экспозиции» и попал в список музейных реликвий как самый древний памятник деревянного зодчества, известный на территории России.

О заповеднике «Кижы» наверняка слышали все читатели этой книги. С 1990 года он входит в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Однако это не единственное наше хранилище образцов древней русской архитектуры. Есть в Костроме рядом с Ипатьевским монастырем уникальное учреждение – музей деревянного зодчества под открытым небом, который называется «Костромская слобода». В него были бережно перевезены домики, церкви, мельницы и прочие образцы деревянных построек из разных уголков Костромской области.

Так, до середины XX века достояла в селе Фоминское церковь Спаса Всемилоственного, построенная, как считают специалисты, около 1700 года. В начале 1950-х годов было принято решение о создании Костромского водохранилища, в результате чего обширные территории должны были уйти под воду. Некоторые образцы старинной архитектуры было решено сохранить, и эту церковь (как и церковь Спаса Преображения из села Вежи, построенную на полвека раньше и, к сожалению, сгоревшую в 2002 году) перенесли в музей.

Легко заметить, что, хотя по размеру эта церковь куда больше Лазаревской, в архитектуре обеих есть много общего. Обе состоят из так называемых «клетей» (частей-объемов), только Лазаревская – из трех, а Спаса Всемилоственного – из четырех: у нее есть еще и восьмигранная колокольня, врубленная в кровлю сеней.

А почему она восьмигранная, а не квадратная, как остальные клетки?

Возможно, зодчий посчитал, что так она будет больше напоминать каменные колокольни, которых в то время строилось множество. Вполне вероятно, однако, его соображения были другими: для клеток приходилось использовать довольно длинные бревна, а для восьмигранника можно было взять и покороче.

В целом, в основе любой деревянной постройки на Руси был «сруб» – скрепленные между собой бревна. Срубы чаще всего делали в виде четырехугольника, который так и назывался – четверик. Простая русская изба небо-

**Церковь
Всемилового
Спаса из села
Фоминское
Костромской
области**

Построена между
1700 и 1715 годами

гатого крестьянина представляла собой четверик, крестьянин же побогаче имел «пятистенку»: изба строилась четвериком, а внутри врубалась пятая бревенчатая стена. А вот при строительстве храмов часто использовались «восьмерики» – восьмигранные срубы – как, например, в случае с колокольной церкви Спаса Всемилового. Впрочем, и во множестве других случаев: ведь площадь внутреннего помещения ограничивается длиной бревен, и если сруб сделать восьмигранным, то она возрастает в разы при использовании бревен той же длины. Такой прием был у древних зодчих в «любимцах».

Читатель, верно, уже обратил внимание на то, что, говоря о строительстве древних, мы до сих пор ни разу не употребили слово «архитектор», заменяя его прелестно звучащим, настраивающим на определенный лад словом «зодчий». Но так ли уж эти слова синонимичны?

Слово «архитектор» происходит из греческого языка (*αρχός* «начальник», *τεκτων* «строитель») и обозначает квалифицированного, хорошо обученного специалиста, профессионально организующего проектирование и создание архитектурной среды. Древнерусское же слово «зодчий» происходит от глагола «зедати» (строить) и означает, в сущности, «строитель». Иными словами, каждый мужик с топором, взявшийся за сооружение чего-либо – избы ли, боярских ли хором, – считался зодчим.

Каждый, да не всякий.

В любом деле есть любители, а есть профессионалы. Порой замечательные поделки получаются и у любителей, но если вам нужно получить нечто надежное, прочное и красивое, то обратитесь вы, конечно же, к профессионалам. Во второй половине I тысячелетия зодчество на Руси уже стало профессией. Появилась даже специальная терминология. Скажем, каждый ряд бревен в срубе назывался «венцом». Первый нижний венец часто ставили, подкладывая под углы каменное основание – «ряж». Хотя во многих районах, по свидетельству археологов, два нижних венца уходили в землю.

Различали профессиональные зодчие и виды срубов – «в режь», «в лапу» и «в обло». Для амбара или коровника вполне подходил сруб «в режь», в котором бревна укладывались неплотно, а часто еще и не скреплялись. Сруб «в лапу» укладывался плотнее, а концы

бревен, снаружи не выходившие за пределы стены, вытесывались так, что напоминали лапы. У сруба «в обло» концы бревен выходили за стену. Данный вид сруба наиболее надежный, теплый и более всего привычен русскому глазу. Его странное название происходит от слова «оболонь», обозначающего наружные слои дерева.

Сами ряды бревен – «венцы» – связывались между собой при помощи внутренних шипов. Между венцами в срубе прокладывали мох, а после окончательной сборки сруба щели конопатили льняной паклей. Так же, мхом, часто закладывали и чердаки для сохранения тепла зимой.

Кровля, которую с древних времен называли просто «верх», могла быть простой двускатной крышей – по бедности, а могла и взлетать шатром, часто весьма затейливым. Такие шатры обычно возвышались над хоромами древних «олигархов», над церквями и богатыми часовнями.

Покрывали крышу тоже по-разному. Если строили жилье богатое, то на покрытие шел тес. В сущности, были это просто доски, только вот изготавливались они совсем не так, как стало принято позже. Бревно для теса выбиралось ровное, без сучков, затем вдоль него топором накалывалась дорожка, и в образовавшуюся таким образом щель забивались клинья. Все неровности, возникавшие у получившихся досок, «подтесывались» топором. Не думайте, однако, что в те далекие времена наши предки не имели пилы. Этот инструмент появился более тысячи лет назад, но использовали его лишь для столярных работ, да дров напилить. Ведь пила так вгрызается в дерево, что его живая структура умирает, и дерево начинает гнить. Вот и работали древние строители исключительно топором.

Крышу строения подешевле покрывали осиновыми щепками – практически черепицей, правда, деревянной. А уж совсем бедные «крыши» хорошо знакомы нам по классической литературе: солома, увязанная в снопы. Между прочим, в глубокой древности «верх» покрывали даже простым дерном, укладывая его на подстилку из бересты корнями вверх.

Не подумайте, однако, что Русь деревянная представляла собой какое-то жалкое зрелище. Вспомните восторженный отзыв византийского посла: древние мастера никогда не забывали о красоте. Окна даже самой простенькой избы непременно прихорашивались резными